

мых на контрольный учет в Госпогранкомитет; выставление сторожевого листка в адресно-справочном бюро; извещение о розыске бюро регистрации несчастных случаев; ориентирование работников специальных оперативно-поисковых групп о приметах разыскиваемого; направление розыскных ориентировок (заданий) в центры изоляции правонарушителей, приемники-распределители с целью выявления разыскиваемого среди задержанных лиц (особенно тех, личность которых достоверно не установлена); информирование (с одновременной постановкой на сторожевой контроль, учет) учреждений и организаций, куда разыскиваемый может обратиться в ходе сокрытия либо где он может появиться независимо от собственных пожеланий (учреждения здравоохранения и др.); постановку на учет документов, транспортных средств, имеющих индивидуальные номера, которыми пользуется (может пользоваться) разыскиваемый; размещение информации о розыске в средствах массовой информации для информирования общественности; ориентирование конфидентов; детальное ориентирование работников предприятий, в которых может находиться похищенное имущество, о приметах разыскиваемого, а также вещей и предметов, которые разыскиваемый, по имеющейся оперативной информации, попытается сбыть и др.

Не сложно заметить, что все без исключения розыскные меры и ряд розыскных действий имеют ярко выраженный общепроисловый характер, т. е. не зависят от каких-либо конкретных розыскных версий, направлений розыска, и в ходе их осуществления обнаружение разыскиваемого возможно как бы «случайно». Надо признать, что общепроисловым мероприятиям принадлежит решающая роль в случаях, когда отсутствуют сведения о вероятных местах появления разыскиваемого, лицах, с которыми он может поддерживать отношения и которые могут знать о его местонахождении, и т. д.

В завершение отметим, что рассмотренные подходы по разграничению розыскных действий и розыскных мер носят условный характер и отнюдь не претендуют на бесспорность. Вместе с тем подобные попытки упорядочения системы организационно-тактических категорий в оперативно-розыскной деятельности не лишены смысла, так как они создают предпосылки для детального изучения этих категорий, а это, в свою очередь, не может не способствовать совершенствованию оперативно-розыскной теории.

1. Алешкина Т.Н. Использование научно-технических средств и методов в розыскной деятельности следователя : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2001.
2. Антонов В.В. К вопросу о сущности и содержании оперативно-розыскных мер // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : тр. Акад. упр. МВД России. М., 2004. С. 60–64.
3. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики : в 3 т. М., 1978. Т. 2.
4. Боголюбская Т.В. Правовые и организационные вопросы розыска следователем обвиняемых, местонахождение которых неизвестно : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1982.
5. Быков В.М. Деятельность следователя по приостановленным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Свердловск, 1972.
6. Гладышева О.В., Репкин М.С. Понятие и правовая природа розыскных действий следователя // Рос. следователь. 2009. № 1. С. 4–6.
7. Гончар В.В. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2007.
8. Даровских Ю.В. Процессуальные и организационные основы производства по уголовному делу, приостановленному в связи с розыском скрывшегося обвиняемого : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1994.
9. Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Киев, 1987.
10. Закирова Э.Ф. Приостановление предварительного следствия в случае, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Ижевск, 2004.
11. Косенко А.С. Розыскные действия в советском уголовном процессе : учеб. пособие. Хабаровск, 1989.
12. Попов В.И. Розыскная работа следователя. М., 1950.
13. Репкин М.С. Розыскные меры в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2009.
14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1970. Т. 2 : Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву.
15. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Ю.С. Блинов [и др.] ; под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2009.
16. Чечетин А. О понятии розыскных мер в новом УПК РФ // Уголов. право. 2004. № 1. С. 96–97.

УДК 343.985

А.Н. Тукало, Л.В. Млынарчик

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» В ОТНОШЕНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ

Одной из наиболее действенных мер в предупреждении, выявлении и пресечении преступлений с высокой степенью латентности (незаконный оборот оружия, наркотиков, коррупционные преступления, преступления, совершаемые в составе групп или преступных организаций, и др.) является проведе-

ние оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Ведущая роль здесь отводится такому негласно проводимому мероприятию, как оперативный эксперимент, который в самом общем понимании заключается в создании ситуации, позволяющей лицу реализовать свои преступные намерения под контролем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Согласно действующему оперативно-розыскному законодательству Республики Беларусь проведение оперативного эксперимента в качестве одного из обязательных условий требует вовлечения в создаваемую обстановку конкретного лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности. Причем такие данные должны быть достоверными. Однако в современной науке остро стоит вопрос о допустимости оперативных экспериментов в отношении неопределенного круга лиц.

Так, П. Яни указывает, что данные оперативные эксперименты можно обосновать п. 2 ч. 2 ст. 7 Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности». Ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации, выступают основанием для проведения ОРМ. «В этом случае путем оперативных мероприятий, когда чиновника „проверяют на честность“, оперативные службы предотвращают возможную угрозу государственной безопасности» [6, с. 37].

В свою очередь, А. Аникин ссылается на американский опыт осуществления ОРМ [2, с. 35]. При проведении секретных операций оперативным сотрудникам предоставляется возможность склонить лицо к участию в противозаконной деятельности. Причем данное действие не относится к числу провокационных. Согласно законодательству США провокация предполагает активное побуждение или подстрекательство к совершению преступления. Предоставление лицу возможности совершить посягательство не является вовлечением в «ловушку» [3, с. 225]. Если сотрудник обещает деньги правительственному чиновнику в обмен на услуги или особое обращение, он предоставляет последнему лишь возможность совершить преступление. Если чиновник берет деньги, это свидетельствует о его предрасположенности к получению взятки и провокацией не считается. Если же чиновник не берет деньги, а секретный сотрудник продолжает реализовывать другие, более настойчивые методы убеждения и принуждения, чтобы заставить чиновника принять деньги, то такое поведение может считаться провокацией.

И.А. Александрова также указывает на необходимость правомерного активного поведения оперативного сотрудника при проведении оперативного эксперимента. «Оперативный эксперимент следует считать законным средством изобличения преступника и не являющимся недопустимой провокацией взятки, если он выступает способом фиксации сложившегося механизма преступной деятельности, но также доказывания наличия умысла, готовности лица на получение очередной взятки. Возможность активного поведения сотрудника в рамках оперативного эксперимента с целью выявления направленности и реализации умысла на совершение коррупционного преступления не идет в разрез с целями выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих или совершивших. Заманить в ловушку и поймать с поличным взяточника – вот в чем цель деятельности оперативника при проведении оперативного эксперимента» [1, с. 29].

Иную позицию по данному вопросу занимают П.С. Метельский, В.Н. Хомич, И.И. Бранчель и др. Так, П.С. Метельский, отрицая возможность проведения оперативного эксперимента в отношении неопределенного круга лиц, указывает на то, что оперативный сотрудник должен владеть достаточными данными, позволяющими сделать вывод о наличии у изучаемого лица умысла на совершение определенного преступления. Кроме того, он отмечает, что умысел у лица должен формироваться без участия оперативных работников, т. е. в отношении данного лица не должно совершаться каких-либо подталкивающих действий, а также действий, создающих ситуацию, в которой изучаемое лицо принимает решение о совершении преступления уже в ходе ОРМ, ибо иначе такие действия неизбежно будут носить провокационный характер [4, с. 40].

В.Н. Хомич, исследуя данную проблему, указывает, что, учитывая латентно-согласительную форму взяточничества, выявить и доказать факт совершения данного преступления практически невозможно не только уголовно-процессуальным путем, но и посредством оперативного эксперимента, если он проводится при отсутствии оперативно значимого информационно-доказательственного обоснования противоправного коррупционного поведения объекта, взятого в оперативную разработку. Моделирование оперативных экспериментов по сценарию «ловли на живца» с обоснованием, что «все берут», неизбежно ведет к провокации и должно быть запрещено, поскольку выявляются искусственно созданные преступления, которых могло и не быть в принципе [5, с. 45–46].

Учитывая повышенный риск нарушения законности, считаем, что проведение оперативного эксперимента в отношении неопределенного круга лиц недопустимо.

Во-первых, такой вариант проведения оперативного эксперимента не только размывает границы между законным оперативным экспериментом и провокацией, но и открывает безграничные возможности для произвола и использования незаконных методов борьбы с преступностью. В таком случае оперативно-розыскная деятельность утрачивает качество средства государственно-правовой защиты, превращаясь в орудие провокации.

Во-вторых, целью такого оперативного эксперимента становится не предупреждение, выявление и пресечение преступлений, а склонение лица к совершению преступных действий, что, по сути, составляет содержание уголовно-правового понятия «подстрекательство» и является уголовно наказуемым деянием.

В-третьих, проведение оперативного эксперимента в отношении неопределенного круга лиц подразумевает создание ложной обстановки преступления, что уже само по себе является провокацией.

Таким образом, проведение оперативного эксперимента в отношении неопределенного круга лиц является незаконным средством борьбы с преступностью и носит четко выраженный провокационный характер. Законный оперативный эксперимент предполагает вовлечение лица, в отношении которого уже имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе таких сведений ситуацию, которая должна быть максимально приближена к преступной деятельности вовлекаемого лица.

1. Александрова И.А., Шевелев Э.А. Использование оперативного эксперимента для изобличения взяточников // Рос. следователь. 2007. № 15. С. 29–30.

2. Аникин А. Ответственность за взяточничество // Законность. 1997. № 6. С. 32–35.

3. Благаренко О.В. Оперативный эксперимент: понятие и содержание // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для ОВД РБ : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2008. С. 224–226.

4. Метельский П.С. Уголовно-правовая характеристика провокации взятки или коммерческого подкупа // Уголов. процесс. 2009. № 7. С. 33–41.

5. Хомич В.Н., Бранчель И.И. Оперативный эксперимент как способ выявления взяточничества. Минск, 2010.

6. Яни П. «Проверка на честность», или Уголовно-правовые основания выявления взяточничества // Законность. 2007. № 1. С. 34–37.

УДК 343.9

С.С. Тупеко

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Последовательное решение задач построения правового государства актуализировало проблемы законности осуществления правоохранительной работы. Особенно чувствительной оказалась сфера оперативно-розыскной деятельности (ОРД), результаты которой, прежде чем стать доказательством по уголовному делу, всегда подвергаются критической оценке со стороны органа уголовного преследования и суда.

Существующая проблемность использования сведений, полученных в процессе ОРД, в качестве доказательств позволяет манипулировать такими доказательствами на любой стадии уголовного процесса, а имеющиеся в материалах ОРД недостатки, пробелы и противоречия трактуются в пользу подозреваемого. В итоге ОРД не только теряет статус эффективного средства предупреждения, выявления и пресечения преступлений, но и сама порой выступает источником нарушения законности.

Выборочный анализ материалов следственной, прокурорской, а также судебной практики свидетельствует, что наиболее проблемным аспектом оценки доказательств, полученных в ходе ОРД, является решение следователем (судьей) вопроса об их допустимости с точки зрения законности источника получения. Статья 105 УПК Республики Беларусь, определяющая процедуру оценки доказательств, признает допустимыми доказательства, полученные лишь из предусмотренных законом источников.

Следует оговориться, что в УПК в качестве источников доказательств, имеющих оперативно-розыскное происхождение, представлены только протоколы оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленные в установленном законом порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания. Иные материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, что они получены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, представлены, проверены и оценены в порядке, установленном УПК Республики Беларусь.

Таким образом, если в орган уголовного преследования представляются иные материалы ОРД (а не протокол оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи), то ключевым критерием при отнесении материалов ОРД к источникам доказательств является оценка следователем (судьей) законности их получения, что на практике, как правило, сводится к проверке оснований, условий и проведения оперативно-розыскного мероприятия, в ходе которого такие доказательства были получены.

Статья 105 УПК Республики Беларусь, изложенная в достаточно широком смысле (безоговорочно признает недопустимыми доказательства, полученные с нарушениями конституционных прав и свобод граждан, и устанавливает, что такие доказательства не имеют юридической силы и не могут использоваться для доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу), иногда становится настоящим камнем преткновения при интеграции результатов ОРД в следственную работу. На основании положений презумпции невиновности нередко принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела (о прекращении производства по уголовному делу) в связи с невозможностью доказать в действиях подозреваемого наличие состава преступления.